

Хизеру Адамсу, следующему
Путём Слов и Причуд –
истинному аргоси, чья
извилистая дорога всегда
приводит в неожиданные
и удивительные места.

Забан

Земли
северных
пасаж

Даром

Уэль
песков

Лутабрия

Южные
кочевья

Аррипорш
бжен-мен

Берабеск

Пролог

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА

А теперь будь хорошей девочкой. Люди всегда мне так говорят. Каждый раз, когда жалкие остатки нашего племени приходят в очередную деревню или город, прося приюта, какой-нибудь незнакомец гладит меня по голове и говорит: «Будь хорошей девочкой». Разные голоса. Разные языки. Но всегда одна и та же фраза, как призрак, который следует за мной, куда бы я ни пошла. Госпожа изобретательница в одном из блистательных городов Гитабрии с улыбкой произнесла это на своем мелодичном наречии:

— *Suvé onta bella jaïda.*

Будь хорошей девочкой. Что на самом деле означало: «Улыбайся, выгляди милашкой и помалкивай».

В землях Забана, далеко на севере, воин-поэт (в Забанае всех называют воинами-поэтами), подошёл к делу гораздо серьезнее. Он насупил брови и нахмурился.

— *Nanging isang bubutay bamba.*

Будь хорошей девочкой.

Он имел в виду, что мне следует быть мудрой, бдительной и — главное — помалкивать.

Молчание — здесь сходятся абсолютно все.

То же самое твердит мне сейчас эта добрая старуха с тонкими прядями седых, тёмных от копоти волос, прилипших к коже лба. Несколько минут назад её задело огненным заклинанием. Оно вдавило старую женщину в бездыханные тела соседей. У неё раздроблено плечо, а рука безжизненно висит вдоль тела. И всё-таки она шепчет мне сквозь сломанные зубы:

— Тсс... А теперь будь хорошей девочкой.

Трудно быть кем-то другим в этой тёмной сырой пещере, куда она меня затолкала... Пещера расположена возле пыльных развалин городка на окраине Семи Песков. Снаружи септет (это семеро, если вы не знаете) боевых магов джен-теп заняты истреблением остатков моего клана. Я слышу крики и мольбы о пощаде, но маги убивают людей одного за другим.

Вероятно, они могли бы сжечь нас всех одним большим заклинанием, но, судя по тому, что я видела, маги — в основном подростки. Полагаю, они просто выпендриваются друг перед другом.

Скоро они поймут, что я спряталась здесь, и придумают для меня особенно неприятное заклинание. Впрочем, может быть, мне не о чем волноваться, поскольку у доброй старухи, заталкивающей меня всё дальше и дальше в пещеру, есть план.

«Тс-с... А теперь будь хорошей девочкой».

Отличный план, сударыня. Мне хочется сказать ей, что ни один медек никогда не приказал бы одиннадцатилетнему ребёнку помалкивать. А ещё ни один медек не назвал бы меня «девочкой». Лишь когда нам исполняется тринадцать, мы встаём перед племенем и рассказываем всем, кто мы такие и каковы внутри. Я должна найти духовное животное — зверя или птицу, — которое станет моим спутником в этом мире, будет нашептывать советы,

помогая двигаться по жизненному пути. Но как духовное животное услышит ваш зов, если вы всё время молчите?

Медеки всячески одобряют, когда дети шумят и разговаривают разумом и сердцем (даже если взрослые их не слушают). Слова и песни привлекают проходящие мимо стада духов, и они чувствуют родственную душу, с которой хотят воссоединиться.

Но у меня никогда не будет духовного животного. Я никогда не выберусь из этой пещеры. Не важно, сколько раз милая старушка пробормочет: «Будь хорошей девочкой», это ничего не изменит. Доброта ни разу не спасала изгой-медека от магов джен-теп. Несмотря ни на что...

Сейчас я вспоминаю об этом. Я лежу, свернувшись клубком и пытаюсь стать как можно меньше. Меня окружают тлеющие трупы горожан — людей, которые заползли в пещеру, когда заклинания железа и огня начали разрывать их тела на части. А умирающая старуха... да нет, я почти уверена, что она уже мертва.

Указательный палец её здоровой руки по-прежнему прижимается к губам, словно даже в смерти она напоминает мне: надо молчать. Мой народ — единственный на континенте, кто не ожидает, что их молодёжь будет вести себя тихо. Интересно, есть ли связь между этим фактом и тем, что нас осталось так мало? Может, наша проблема в том, что мы просто не научились вовремя затыкаться?

Снаружи доносится боевой клич одной из наших воительниц. Она нападает на магов, кричит на них на нашем старом языке. Мы больше не говорим на нём даже между собой, потому что те люди, которые дают нам пристанище, чувствуют себя неуютно. Маги джен-теп, охотящиеся за нами, считают, что наш язык — наречие демонов. Они уверяют, будто мы используем его, чтобы пробуждать адских тварей и убивать своих врагов...

Какая жалость, что это неправда!

Я понимаю, что воительница умерла, когда слышу грохот огненного заклинания и вижу отсвет вспышки. Я представляю дождь из золотых и синих искр. После него всё вокруг выглядит так, словно промчался ураган. Мне даже хочется выбежать на улицу, чтобы увидеть чудеса магии джен-теп. Я знаю, что должна ненавидеть её, но цвета, свет и их замысловатые движения — это красиво. И если уж тебе всё равно конец, не лучше ли умирать, глядя на что-то прекрасное?

Слишком поздно. Крики прекратились, и всё затихло. Интересно, была ли погибшая воительница последней из моего клана? И был ли мой клан последним из всех, что остались от некогда великого племени медеков? Я одна?

— Сожгите тела, закопайте пепел, — слышу я голос одного из магов.

Он старший, главный. Но более всех я ненавижу не его. Тот, кого я ненавижу, моложе. Ему лет шестнадцать. Он такой же высокий, как все они, широкоплечий и, в отличие от других, у него под мантией, кажется, есть мускулы. Он не улыбается, когда поднимает руки, делает все эти странные жесты и призывает на наши головы огонь и молнии. Он не смеётся и не шутит, когда мы умираем.

Остальных я ненавижу так, как можно ненавидеть холодную зиму или острый камень, порезавший тебе ногу. Маги жестоки, у них уродливая душа. Они чудовища. Но этот, он понимает — где-то внутри себя, — что поступает плохо. Он человек. Как я. И всё равно убивает.

Я не знаю его имени, потому что когда маги джен-теп выполняют боевое задание, то они называют друг друга по прозвищам. Например, Железный Змей или Янтарный Лис. Этого парня зовут Тёмный Сокол.

Однажды я убью Тёмного Сокола.

Хотя вряд ли. Я ведь скоро умру.

Новые вспышки заклинаний освещают воздух снаружи пещеры. На этот раз они другие. Не короткие раскаты грома, а беспрестанный треск пламени, которое срывается с ладоней магов, словно их руки — вулканы, наполненные лавой. Почему для них так важно, чтобы от нас не осталось и следа?.. Я слышу, как некоторые маги жалуются на запах горящей плоти и костей. Двоих парней тошнит; их заклятия рушатся, когда они теряют концентрацию. Потом главный — командир — орёт на них, и они начинают процесс заново. Скоро он пошлёт кого-нибудь в пещеры, на поиски выживших. И они найдут меня.

— Пожалуйста, пощадите! — кричит кто-то.

Не из моего народа, разумеется. Я почти уверена, что все наши мертвы. Тем более мы знаем, что джен-теп бесполезно молить о милосердии. Должно быть, один из городских жителей, которые нас приняли, упрашивает сохранить ему жизнь.

— Мы не знали, кто они такие!

Неправда. Мы никому не лгали о том, кто мы такие. Хотя, может, стоило бы...

— Они вызвали демонов, чтобы заставить нас укрыть их!

Полная ерунда. Сколько бы джен-теп ни твердили, что мы используем демоническую магию (именно поэтому они начали убивать нас триста лет назад), мы не умеем вызывать демонов. Я это знаю, потому что тысячу раз пробовала.

— Мы только притворились, что готовы их приютить — и сразу же кинулись за ва...

Забавно, но маги убивают его ровно в тот момент, когда он наконец-то говорит правду. Мой клан слишком долго оставался в этом маленьком городке в Семи Песках. Види-

мо, один из горожан отправился к ищейкам джен-теп, которые потом привели боевой отряд прямо к нам.

Никогда не задерживайтесь на одном месте слишком долго — вот что говорят медеки своим детям. Это же сказали мне отец и мать перед тем, как погибли во время рейда джен-теп. Тогда маги уничтожили половину нашего клана.

Я до сих пор помню выражение лиц родителей, помню, как они были напуганы. Почему же я не боюсь? Я умру здесь, в этой тёмной пещере, не увидев больше ничего, кроме мёртвой женщины, прижимающей палец к застывшим губам. Не почувствовав ничего, кроме зловония от трупов. Мне должно быть страшно. Я должна злиться. Вместо этого я чувствую, что словно пьяная и ничуть не... упала духом. Так можно сказать? Вообще-то мы, медеки, не пьём спиртные напитки, а духи не падают (это глупо — они ведь бестелесные и никуда не могут упасть).

Думаю, если вы видели, как ваших родителей вскинули в воздух, опутав их запястья и лодыжки плетью жёлтого и серебристого цвета, а потом разорвали на части, то вы знаете — без малейшего сомнения, — что однажды какой-нибудь джен-теп сделает то же самое с вами. И, похоже, это произойдёт именно сегодня.

— Вот она! — слышу я тихий голос. — Забирай её!

Я не вырываюсь и не кричу. Даже протягиваю руки, чтобы им проще было вытащить меня из груди тел. Может, я и правда хорошая девочка?

— Быстрее! Пока они там уничтожают улики!

Две больших руки хватают меня за запястья и тянут прочь от входа. Мой зад скользит по трупам, а потом — по камням и грязи. Похоже, мы движемся в глубь пещеры. Я и не подозревала, что она так далеко тянется. Когда старуха втокнула меня сюда, пещера казалась просто небольшим гротом.

Я не знаю, кто это, но человек отпускает мои запястья и берёт меня на руки. Я вглядываюсь в темноту, смутно различая две фигуры, склонившиеся надо мной; в сумраке они выглядят жутко — словно демоны. Может, мой народ и вправду поклоняется демонам?

Что-то тяжёлое царапает пол пещеры и сдвигается, когда более крупный демон толкает его плечом. Две фигуры пригибаются ещё сильнее, затаскивая меня в узкий туннель. Видимо, жители городка замаскировали его, чтобы прятать тут своё добро, когда приходят враги. Вряд ли в этом много смысла, если идущие по пятам джен-теп владеют заклинаниями песка и могут выследить тебя где угодно. Тёмный Сокол может. Я слышала, как один из магов говорил, что он лучший в этом деле. Вероятно, он уже кинулся в погоню.

— Не бойся, — шепчет один из моих спасителей.

Он говорит на языке Дарома — страны, лежащей почти в двухстах милях отсюда. В Семи Песках нет собственного наречия, поэтому большинство людей в этих краях используют упрощённую версию дароменского. Но мой спаситель изъясняется коряво, как будто выучил язык совсем недавно. У него низкий грубоватый голос и повелительные интонации. Он словно бы предупреждает, что с ним не стоит спорить.

Но я всё равно спрашиваю:

— А что с остальными?

В ответ слышу лишь шарканье сапог по каменному полу. Видимо, он не хочет говорить, что никаких «остальных» больше нет.

Тогда я задаю следующий вопрос:

— Куда вы меня несёте?

На сей раз отвечает женский голос. Он очень необычный. Мягкий и певучий. Аристократичный. Он мне нра-

вится, но его странно слышать — словно я прокралась в дом богачей, где меня вот-вот поймают.

— Куда-нибудь подальше отсюда, — говорит женщина. — Туда, где ты будешь в безопасности.

Мужчина кряхтит от напряжения. Ему приходится нести меня, одновременно низко наклоняясь.

— Тебе больше не придётся скитаться, моя девочка. Теперь не нужно блуждать по пустыням под палящим солнцем и по замёрзшим лесам морозной зимой. Ты поселишься в большом доме. У тебя будет вкусная еда и все игрушки, какие только захочешь...

Голос женщины дрожит на последних словах. Она будто бы пытается сдержать слёзы.

— Джен-теп... — пытаюсь сказать я, но женщина меня перебивает.

— Они больше никогда не причинят тебе вреда.

Теперь она говорит громче. Видимо, потому, что мы далеко ушли от входа в пещеру.

— У нас богатая семья, дитя. И мы...

Она запинаяется, как будто не может подобрать слова. И это подсказывает мне, что дароменский язык для неё тоже не родной.

Мужчина что-то бормочет ей, и она кивает.

— Воины чести. Да, мы воины чести. Понимаешь? Даже лорд-маги джен-теп не посмеют отобрать тебя у нас.

Мне хочется сказать ей, что я понятия не имею, кто такие воины чести. И что она ошибается. Если маги узнают о выжившем медеке, они никогда не прекратят его преследовать... Но я так устала.

Не знаю, сколько они меня тащили, прежде чем вокруг нас возникли сполохи красивого золотого света. Определённо — заклинание джен-теп. Мне было жаль мужчину и женщину, которые явились сюда, полагая, будто могут

меня спасти... Никто не радуется, обнаружив, что его мир не так безопасен, как он думал...

— Скорее! — слышу я голос мужчины. — Сажайте её в карету!

Солнце... Золотой свет, который я углядела, — это оказалась не магия, а просто солнечные лучи.

Меня запикивают в карету и прячут под одеялом.

«И карета, и одеяло, — думаю я, бросив на них беглый взгляд, — пожалуй, самые великолепные вещи, которые мне доводилось видеть».

Карета, которую тянет четвёрка прекрасных лошадей, едет сперва по ухабистой тропе, а потом по дороге.

А я засыпаю... Моя голова лежит на коленях женщины. Это самая тёплая и удобная подушка, какая у меня была.

— Теперь отдохни, — говорит она, поглаживая мои ярко-рыжие волосы. — Худшее позади, поверь мне. Будь хорошей девочкой и помалкивай. Веди себя тише мыши, пока мы не уберёмся с их земель...

Будь хорошей девочкой.

О, эта дама была прекрасна. И её муж тоже. Они привезли меня в чудесный дом — большой и красивый. Именно такой, какой они и обещали.

Через полгода я похоронила их в саду.

